

А. Л. Топорков

НОМИНАЦИЯ ЦАРЬ И ПЕРСОНАЖИ-«ЦАРИ» В РУССКИХ ЗАГОВОРАХ XVII–XIX ВВ.

The word 'tsar' occurred in Russian charms [zagovory] of the 17th through the 19th centuries with high frequency. It could refer to real monarchs from the Romanov house or appear in connection with God's status as Heavenly Ruler. In these charms we also encounter Old Testament tsars and the tsars of antiquity. Satan, the spirit masters of the natural elements, individual natural elements and phenomena and the like may be called tsars. The title of tsar lends a magical text particular nuances: this or that being or natural phenomenon is understood as animate, endowed with reason and power. Ennobling fire, or an ant, or the Forest Spirit [Leshii], or others with the term tsar was intended not only to ease communication with them, win their good will, or demonstrate one's own loyalty, but also to impose on them a certain program of behavior, implying a relationship of protection towards the performer of the charm, a paternal concern, and a display of mercy. The basis of the interpretation of power in charms with social directionality was the medieval hierarchical principle, combined with the tsar's image as the highest value, in his association with the Heavenly Tsar. This principle, borrowed from religious beliefs and social life, resulted in a particular schema, projected by means of the charms into the most various spheres of the folk worldview. Their "tsars" were to be found in the world of natural elements and phenomena, among the insects, among the supernatural protectors of natural loci (of the forest, water, land), and in communication with demonic powers. The composers of charms actively used the thematics and phraseology of Christian writings and liturgy, but at the same time they were far from sharing Christian humility and respect for those powers. With rare exceptions, one can hardly find any traces of the sacralization of the monk in the charms. Rather, we may speak of an insufficient distinction between notions of a religious and social character. In the symbolic world of the charm, the protagonist does not aim to abolish the hierarchy, but wishes to enlist the help of

those who stand at its head, and thereby to receive strength and power for resolution of his or her problems. For the subject of magical actions it is also a natural wish to appropriate a tsar's power (even if only for a time and only in imagination) and to occupy himself a place at the head of the social and religious hierarchy (the so-called everyday imposture [bytovoe samozvanchestvo]).

Слово *царь* встречалось в русских заговорах XVII–XIX вв. с высокой частотностью. Оно могло соотноситься с реальными монархами из дома Романовых, выступать в составе обозначения Бога как Царя Небесного. В заговорах встречаются также ветхозаветные и античные *цари*; *царями* называются Сатана, духи-хозяева природных стихий, отдельные природные стихии и явления и т. д.

Заговоры находятся на пересечении сферы церковно-христианского знания и сферы фольклорных образов и представлений. Совокупность заговорно-магических текстов можно представить как некий континуум. На одном из его полюсов находятся канонические и неканонические молитвы, а на другом – фольклорно-языческие и «черные» заговоры и заклинательные формулы. Тексты, которые располагаются на полюсах этого континуума, кардинально отличаются друг от друга по своей структуре, лексическому наполнению, религиозно-нравственным установкам и т. д. Тем не менее пространство между полюсами имеет континуальный характер и представляет серию последовательных переходов от канонических молитв до фольклорно-магических текстов, соотнесенных с представлениями о природных духах и способах взаимодействия с ними.

Фольклористические аспекты данной темы заключаются в том, какие именно персонажи именуется в заговорах *царями* и какие функции они выполняют, как распределяются употребления слова по разным подтипам магических текстов (неканонические молитвы, заговоры, заговорно-заклинательные формулы), какую роль играют слово *царь* и персонажи-*цари* в структурировании картины мира, представленной в заговорах, с какими другими текстами (книжными или фольклорными) коррелирует употребление слова *царь* в заговорном континууме. Фольклористические аспекты тесно связаны с лингвистическими (какие значения слова *царь* актуальны для заговоров) и культурно-историческими (в какой мере в заговорах отразились представления о царской власти и их эволюция). Особая проблема – так называемое «политическое колдовство» (попытки магическими средствами воздействовать на царя и его родственников); в последние годы она была достаточно изучена историками, и мы ее касаться не будем [см.: Лавров, 2000, 331–335; Смилянская, 2003, 147–158; Kievelson, 1997].

Семантика слова *царь* в русском языке. В. И. Даль приводит два основных значения слова *царь*: ‘государь, монарх, верховный правитель земли, народа или государства’; ‘сильный, могучий, старший, властвующий; славнейший, отличнейший между своими’ [Даль, 4, 570–571].

Согласно академическому «Словарю современного русского литературного языка», слово *царь*, помимо основного (прямого) значения, имеет целый ряд пере-

носных. Ограничимся только теми значениями, которые актуальны для русских заговоров [см.: ССРЛЯ, 17, 556–559]¹:

1. Государь, властелин какой-нибудь страны (как общее наименование, не титул)²; титул монарха, монарх, имеющий этот титул; *перен.* полновластный владыка, властитель; полновластный хозяин, распорядитель; о том, что главенствует над всем остальным.

2. *Перен.* Тот (или то), кто (или что) превосходит всех в каком-нибудь отношении (например, о птицах, зверях, растениях). Употребляясь как приложение, указывает на исключительность, превосходство определяемого среди ему подобных (например, народно-поэтич. *царь-девица, царь-птица, царь-трава* и др.).

Сошлемся также на важное наблюдение Б. А. Успенского о том, что для культурно-языковой ситуации XVII–XVIII вв. слово *царь* занимало пограничное положение между именем нарицательным и именем собственным: «Наименование монарха “царем” отсылало прежде всего к религиозной традиции, к тем текстам, где царем назван Бог <...> В России... наименование (“царь”) воспринималось, в сущности, как имя собственное, как одно из божественных имен – наименование человека “царем” в принципе могло приобретать в этих условиях мистический смысл» [Успенский, 2000, 36–37]. Можно добавить, что такой же характер имело обозначение *царем* не только человека, но и животного или растения [см.: Гура, 1997, *царь* по указ.; Ипполитова, 2004].

Царь Михаил Федорович в заговорах. Наиболее ранние упоминания царя встречаются в Олонецком сборнике 2-й четверти XVII в. и Великоустюжском сборнике того же времени. В обоих случаях речь идет о Михаиле Федоровиче Романове.

В заговоре на власть из Олонецкого сборника *царь, господарь и великий князь всея Руси* упоминается дважды: в первый раз он выступает как источник сакральной красоты, к которой пытается приобщиться протагонист заговора, во второй – как носитель власти, которому он желает понравиться (быть «любим»). В обоих случаях именование царя писано тайнописью (так называемой тарабарщиной). Кроме этого, в обоих случаях за именем царя следует перечисление представителей власти во множественном числе. Первое перечисление открывается словами *цари и князи*, что соотносится с именованием Михаила Федоровича царем и князем:

И как свет сей блистаетца и Христос наряжаетца, свет настал и Христос народис(ь)³, и как падут утренные и вечерные росы на землю и на во(ду), таже бы пала красота и лепота *дамя и чолноцамя и шесикочо тпяфа Рижайса Зецомошига шлея Мули*⁴. И как дивуютца цари и князи, и власти, и все мужи красным маковым цветам, так бы дивовалис(ь) мне, рабу Божию имярек, и пала б красота

¹ К сожалению, выходящие в настоящее время словари русского языка XI–XIV, XI–XVII и XVIII вв., а также СРНГ еще не дошли до буквы *ц* – и в данном случае мы лишены возможности их использовать.

² Сюда относится, в частности: ‘небесный, всевышний *царь, царь царей* (о боге)’.

³ Исправлено, в рукописи *надодис*.

⁴ Т. е.: «царя и господаря и великого (букв.: *велитого*) князя Михаила Федоровича всея Руси».

красота красота красных д(е)виц на меня, раба Божия имярек, и как любы Господу Иисусу Христу свои Божии престолы, також бы и яз люб был, раб Божий имярек, кому говориш имярек, *д(а)рю, чолноцаму и шелитору тпяфю имярек вляя Мули*⁵ и всем властем, и началом, и вельможам [Срезневский, 1913, 491, № 32]⁷.

Текст относится к тем заговорам на власть, близким неканоническим молитвам, которые разрабатывают пасхальную символику (протагонист заговора уподобляет себя воскресшему Христу; его явление должно вызвать радость всех людей на земле, в том числе царя и других представителей власти). В данном заговоре московский царь оказывается, во-первых, в одном символическом ряду с красными девицами (как и они, царь делится с имяреком своей красотой), а во-вторых – с Иисусом Христом (раб Божий «люб» царю, как Иисусу Христу его Божии престолы).

Другие цари в Олонецком сборнике. Помимо московского царя, в заговорах Олонецкого сборника фигурируют также Царь Небесный и Царь славы Иисус Христос [№ 56, 124], цари библейские: Давид [№ 31, 35], Соломон [№ 33], Ахав [№ 14, 81]. Кроме этого, царями именуется какие-то лесные персонажи, имена которых явно имеют эвфемистический характер: царь Гонгой и царица Гогоя [№ 58], царь Парфей [№ 77], царь Шустий [№ 124] [см. о них: Юдин, 1997, 143–144]. Эти лесные «цари», фигурирующие в заговорах 2-й четверти XVII в., явно соотносятся с поверьями о лесном царе, зафиксированными в Олонецком крае в XIX–XX вв. (см. ниже).

В одном из любовных заговоров Олонецкого сборника появляется еще какой-то *царь жажда*, направляющий огненную реку в уста женщине, которую желают «присушить» [№ 107]. В молитве св. Георгию языческие цари, которых обуздал св. Георгий, отождествляются с языческими богами: *Святый Георгий, обуздал еси 9 царев, богов еллинских, тако обуздай супостатов моих...* [№ 87; см. также № 88]. А в другом заговоре кулачный боец говорит, что держит свое царство, и тем самым утверждает свою богоизбранность: *Се яз, раб (имярек), хож[у по] сему белому свету, по воды и по земли, молодость свою мычю и царство держу ради кулачного бою...* [№ 104].

Может показаться странным, что в одном из любовных заговоров царь выступает не только в качестве источника сакральной красоты, но и как носитель тоски и кручины:

Стану яз, раб Божии имярек, поклонятис(ь) и покорятис(ь) четырем ветром и четырем вехорям: станте вы, четыре ветра и четыре вехоря, понесите вы тоску и кручину и печал(ь) необычную со всех четырех сторон, от востока до запада, от юга и до севера, со всякого человека, с *царя и царицы*, с черныца и черницы, з белца и белиц(ы), стара и млада ко мне, к рабу Божию имярек, во едино место [№ 28].

⁵ Т. е.: «царю (букв.: дамю), господарю и великому князю (имярек) всяя Руси».

⁶ Так в рукописи.

⁷ Здесь и далее тексты Олонецкого сборника цитируются по рукописи: БАН. Сев. 636 (21.9.10) с указанием порядкового номера текста в публикации В. И. Срезневского. В настоящее время сборник подготовлен нами к изданию в полном виде. Выделения жирным шрифтом, курсивом и разрядкой всюду мои. – А. Т.

В заговоре на почет встречаются *цари* во множественном числе:

И как не могут жит(и) *цари* и князи, и бояре, и патриарсе, и митрополиты, и все православныи крестьяне без хлеба и без соли и без пития, так бы не могли без меня, раб(а) Божия имярек, быт(и) на всяком месте по всяк день и по всякой час. Как возрадуются *цари* и князи, и бояре, и патриарси, и митрополиты, и все православныи крестьяне светлому Христову Воскресению, так бы возрадовалися меня, раба Божия имярек, на всяк день и час [№ 86].

Цари в Великоустюжском сборнике. В Великоустюжском сборнике 2-й четверти XVII в. имя российского государя встречается в составе заговора от вражеского оружия. Как и в Олонецком сборнике, оно сопровождается титулом: «царь и государь и великий князь Михаил Федорович всея Руси». Введение в текст имени Михаила Федоровича имеет характер не вполне мотивированной вставки: царь фигурирует в перечислении тех напастей и врагов, от которых желает уберечься протагонист заговора. При этом имярек просит «заступить» его то ли от воеводы русского царя, то ли от самого царя; в любом случае текст свидетельствует о неблагонадежности переписчика по отношению к московским властям. Михаил Федорович выступает в одном ряду с ведунами, ведуньями и вещицами:

Господи, благослови, отче. Святыи Михаило и Гаврил, небесным силам воевода, заступите меня, раба Божия имярек, от смерти и от раны мечевые и копейные, и от пушки, и от пищалей, и от пищали, и от сабли, и от железа стрелнаго, и от всяково оружья, и железа, и вяза, и от всяково древа, и от удару мужичья, и от всякия порчи, от ведунов, и от ведунеи, и от вещиц во всяком месте, *царя и государя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси воеводы*, и меня, грешнаго раба Божия имярек, своими крыльми огненными. Защитите, архистратизи Михаиле и Гавриле, раба своего имярек своима огненыма крылома, отбивайте скифетьры лихую порчу, и ведунов, и ведуниц, и стрелу, и копыя, и мечи, и всякое железо, от земля сотворено, как естя отбивали архистратизи ону отпадшую силу, десятой чинь [Турилов, Чернецов, 2002, 212].

В Великоустюжском сборнике Христос множество раз именуется Царем Небесным. Поскольку Христос в народном восприятии сближается с Богом-Отцом, он называется также иногда царем небесным и отцом небесным. Как и земной царь, Царь Небесный окружен многочисленными подданными: ангелами, апостолами, святыми и др. Протагонист заговора просит Царя Небесного и его помощников о защите; например, в одной из молитв «на свадьбу ехати»:

Святыи сам Христось, царь небесный и отец небесный, помилуй мя, Господи, тебе ся молю и поклоняюся. <...> И постави, *государь, сам Христось царь небесный и отец небесный*, со всеми небесными аггели и с воеводы, с Михаилом архистратигом, булатные верей, и вставите ж, Господи, врата золотые, и пристави, Господи, к тем вратам. Замкни же ты, апостол Христов Петр, своими тридевятью замки небесными и тот город, и тын булатен, и те врата золотые, и князя молодого со всеми поездными бояры, и постави ж, Господи, у тех врат своих сторожев, *небесных сил воевод*, и великого Георгия, и святых апостол Петра и Павла, и святых исповедник Гурья, и Самона, и Авива диякона, Кира, Ивана, Флора и Лавра, Козмы и Домьяна [Там же, 221].

В нескольких заговорных молитвах Великоустюжского сборника фигурирует мифический *царь железный*⁸; он предстает как родитель всякого железа и одно-

⁸ В других местах аналогичный персонаж именуется *муж железный* [см.: Турилов, Чернецов, 2002, 186, 189, 199, 203, 204].

временно защитник от железного оружия. *Железный царь* может соотноситься с *царем небесным*, например:

Есть озеро железное, на том озере железном есть *царь железный*, тем железом отец и мати. И тот *царь железной* защищает от всякого железа раба Божия имярек: от стрелы, и от сабли, и от меча, и от копья, и от топора, и ножа, и от всех детей и приплодов. Помилуй, государь наш Иисус Христос, помилуй, *царь небесный*, раба Божия имярек, от всякого железа [Турилов, Чернецов, 2002, 192, см. также 183].

Впрочем, в Великоустюжском сборнике *царем небесным* может именоваться не только Иисус Христос, но и фольклорный персонаж, живущий на небе и владеющий мечом-самосеком:

У святого *царь небесный* есть меч-самосек. И коли яз, раб Божий имярек, возму в свои руки, и мои злые супостаты достанут тем мечем меня, раба Божия имярек, и злые супостаты убьют. Тому мечю *от царя небесного* с [не]беси не схаживати, никому ево не снимывати, и тем мечем злым моим супостатом ни секати, не калывати, меня, раба Божия имярек, ни убивати [Там же, 194, см. также 183, 197, 207].

Образ царя в заговорах социальной направленности. В значении ‘московский государь’, ‘русский царь’ слово *царь* употребляется главным образом в заговорах социальной направленности, призванных воздействовать на судей и других представителей власти. Земной царь вызывает у протагониста заговоров гораздо более сложное отношение, чем Царь Небесный. На сакрализацию царя указывают только цитированный выше заговор Олонецкого сборника, в котором Михаил Федорович предстает как источник сакральной красоты, а также спорадическое сближение или смешение царя и Царя Небесного.

Во многих социальных заговорах рисуется образ властной пирамиды во главе с царем или царями⁹. Хотя цари и занимают в этих перечнях главенствующее положение, не заметно, чтобы они вызывали какое-то особое почитание. Судя по тексту заговоров, люди, которые их произносили, не рассчитывали на заступничество царя, но сами пытались магически воздействовать на него и других представителей «властной вертикали».

Образ власти в старинных заговорах имеет достаточно обобщенный характер. При этом, как уже отмечалось, даже царь и патриарх часто выступают не в единственном, а во множественном числе. Кстати, такое именование «царей» встречается также неоднократно в «непригожих речах» XVII в. Можно видеть в этом отзвук Смутного времени [см.: Лукин, 2000, 71], однако можно предложить и другие объяснения. Учитывая «пасхальный» контекст социальных заговоров, допустимо предполагать влияние эсхатологических представлений о Втором Пришествии Иисуса Христа, который есть «владыка царей земных» [Откр. 1, 5], и о его битве с земными царями¹⁰.

⁹ В отдельных заговорах перечень властей начинается сразу с «князей и бояр», а царь отсутствует.

¹⁰ «В символической картине последних времен, начертанной в Апокалипсисе, последний кризис откроется войной всех этих царей против Агнца. Они соберутся “в оный великий День” (16,14), передав свою власть Зверю (Откр. 17, 13), но Агнец победит их (см. 19, 18 и сл.), “ибо он есть Господь господствующих и Царь царей” (17, 14; 19, 1 слл.; см. 1, 5)» [Леон-Дюфур, 1990, 1231]. Исторически такой вариант, по-видимому, имеет более раннее происхождение.

Вероятно, в таких текстах царь не столько реальный правитель России, сколько мифологическая фигура, близкая царям фольклорной сказки или книжной повести XVII–XVIII в. В заговоре на подход к власти из тетради М. Овчинникова, конфискованной в 1737 г., можно видеть намек на то, что само появление царей на земле относится ко временам первотворения и они являются такой же изначальной и органической частью мироздания, как солнце, месяц и звезды: *И как зародилосе на небе красное сонце, светлый месяц и частые звезды, и как зародилисе на земли цари государи...* [Покровский, 1987, 259].

С таким образом власти связано любопытное свойство заговоров, имевшее драматические последствия для их исполнителей: царь упоминается подчас даже в тех рукописных «письмах», которые хранились в далекой от столицы деревне и реально могли быть направлены только против какого-нибудь судьи или дьяка. Все представители власти оказываются причастными к царю и это, несомненно, придает образу власти в заговорах символический и даже мистический оттенок [см.: Лавров, 2000, 330–331].

Отношение к царю в заговорах на судей варьировало в широком диапазоне: от полного отрицания его правомочности выступать в качестве судебной инстанции до его же сакрализации как высшего судьи. Отметим, что коллизия между светским и божественным судом неоднократно становилась предметом полемики на протяжении XVII в. [см.: Живов, 1988; Живов, Успенский, 1994, 126–127].

В «заговорном письме», найденном в 1724 г. у крепостного Федора Охотникова, утверждалось, что его владелец вообще неподсуден земным властям, в том числе и самому царю; протагонист заговора признавал над собой только один суд – Царя Небесного, а о его отношении к земному царю говорит хотя бы тот факт, что он поставлен в один ряд с каким-то чужеземным «каролем» и даже с «дефкой самокруткой»:

Ляжу, Богу молясь, встану перекрестясь, росую умылся, зарею утерся, черном оболочком оболочался, чистыми звездами огородился, ясным месяцам подпоясался, красное солнце положил на голову, ни судим я ни царю, ни царице, ни каролю, ни каролице, ни всем судейским людем, ни дефки самокрутки, судим я самому Христу. Аминь (*трижды*) Царю Небесному [Смилянская, 2002, 111].

Заговор из дела 1745 г. начинается с сакраментального заявления: *Царь славы, и я царя не боюся, и я царя не блюдуся* [Там же, 144]. Не вполне ясно, то ли исполнитель заговора сам отождествляет себя с «царем славы» – Христом, то ли хочет сказать, что не боится даже самого Христа. Во всяком случае очевидно, что перед земными властями и даже перед самим царем он никакого страха не испытывает¹¹.

В заговорах на судей возможны два ближайших адресата: судьи и истцы (или ответчики, в зависимости от обстоятельств): *Чарование или направлялось во вред*

¹¹ Ср. заговор «От страха и боязни»: *Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Напал на меня страх. Я не боюсь страха, самага меня, раба Божия имрака, бойся, я же над тем сам царь* [РНБ, О. XVII. 33, л. 42; XVIII–XIX вв.].

противоположной стороне, или же имело в виду склонить в свою пользу судей [Ефименко, 1886, 176]. Соответственно, возможны две тактики поведения: задобрить судей или обезвредить истца.

Такое противопоставление двух адресатов четко прослеживается в заговорной молитве из собрания крестьян Корниловых:

И как стану, раб Божий имярек, пред царем-государем, и *пред всеми князи и боляры, и пред всеми православными христианы* светлою звездою, и праведным солнцем, и младым месяцем. А исцы мои <...>, и *ответчики, и вороги, и недруги* – были бы они аки тма... [Пигин, 2002, 242; к. XVII – нач. XVIII в.].

В заговоре из подборки, конфискованной у попа-расстриги Петра Васильева в 1749 г., имярек обращается к божественному заступничеству с просьбой защитить его от земного суда:

...аще кто мне от супротивников на сей день Господень, ежели я буду у своих супротивников, ежели я буду передо всякими судьями и властями, передо всяким судом *судом земным*, и ежели на мне всякою худою или злою мыслию, или словом, или думою и помышлением, и осуждением, и переговором всякие суды и началы и власти, той отыми Господь Бог у тех человек ум и разум; ежели подумают на меня лихо, подогните у них ноги, опуститесь у них руки, найдите в тот час, говорить не наговорить, боять не набоять, глядеть на меня не нагляделись, головы бы были у них *моим божественным словом* покрыты и не зломысленны, аки бы солнце сияло промеж нами и в то время сияла бы *благодать Божия* меж нами... [Михайлова, 2004, 184; 1749 г.].

В некоторых рукописных заговорах XIX в. царь, чиновники и судьи в общем плане характеризуются сугубо позитивно, зато конкретные «начальники» вызывают глубокую ненависть:

Взойдет красное солнце обрадованное, осветит и обогреет всю подьвселенную, и так тому восходу красного солнца возрадуется *царь и государь, и святейший патриарх, и весь мир православный, все начальныя и чиновныя люди и судии праведныя*. И дает Бог моим начальником брюхо матере, сердце каменно, уши тетеревины, очи свинины, язык мертвого человека [РНБ. О.ХVII.46, л. 11 об.–12].

Характерны для заговоров такие перечисления, в которых объединяются власти светские и церковные, например: *...всякие власти земьские, цари, и патриархи, и митрополиты, архиепископы и епископы, архиман[дри]ты, игумены, и протопопы, и попы, и весь священнический, иноческий чин и все православныя христиана* [Покровский, 1987, 258; 1734 г.]¹². Это показывает, что исполнители заговоров по существу рассматривали церковь как часть государственного аппарата [см.: Покровский, 1975, 125].

Заговор из столбцов попа Алексея Иванова отражает своеобразное представление о соотношении церковной и светской власти, сложившееся в результате петровских реформ. Высшая светская власть объединена с Христом и Богородицей, а церковная иерархия поклоняется совместно Господу и царю с его приближенными:

¹² Ср., например, в молитве, присоединенной к Акафисту Пресвятой Богородицы: «О, Всемилостивая Госпоже... помилуй *святейшие патриархи православныя, архиепископы и епископы и весь священнический и иноческий чин, и вся православныя христианы* ризою Твоею честною защити...».

Как поклоняются Спасову образу и Пречистой Богородице, всем *царем православным, князем и боярам* власти, архиепископы и епископы, архимандриты, игумены, священническая чины, иноческие и все православныя, с такою бы поклонялися мне, рби все князи и бояра, власти, архиепископы и епископы, архимарыты и игумены, священнического чину и иноческого, и все православныя христи-яня [Смилянская, 2002, 118; 1728 г.].

В заговорах к власти может разыгрываться ситуация венчания на царство: *...как радуютца и прикляютца, посадят царя на царство, князья и бояря и все православные христиане и престолные власти, так бы приклонились рабу божию имрку...* [Смилянская, 2002, 104; 1718 г.]. Любопытен взгляд на то, как человек становится царем: он не наследует власть и не получает ее свыше; его «сажают» на царство «князья и бояре и все православные». Можно было бы видеть и здесь отзвуки Смуты, если бы текст не был отделен от нее столетним перерывом.

Магическое отречение колдуна от Бога, православной веры и родителей могло включать в себя и отречение от «царя земного», например: *По позднему вечеру выйду я на улицу и откажусь я от Иисуса Христа, от царя земнаго, от Бога вышняго, от веры православной, от батюшки, от матушки, предаюсь я к нечистому духу...* [Ефименко, 1878, 220, № 107; XIX в.; «Чтобы испортить, или навязать килы»]. Это, с одной стороны, свидетельствует о сакральном статусе царя, а с другой – о том, что существовали специальные ритуальные формы, под-сказывавшие, как нарушить этот статус.

В социальных заговорах XVIII в. перечни властей либо конкретизируются, включая подчас собственные имена и фамилии непосредственных начальников имярека, либо, наоборот, приобретают условный характер, включая не только «ца-рей», но и королев:

Раб Божий имярек стал благословясь, пошел перекстясь, как солнце восходит и месяц на высочайшей [пове]ление, и как *цари, и князи, и короли, и военачальники, и градоначальники*, и вси людие, так бы на раба Божия имярек взирали красотою солнце и месяц в очи, их красота та бы на меня, раба Божия имярек [РГАДА, ф. 196, оп. 1, № 1334, л. 1; 1763 г.].

С течением времени перечисления властей все больше приближаются к реальности: в XIX в. в них фигурируют уже генералы, полковники и даже иноземцы, например:

...Дабы я был славен и страшен, грозен и велик над своим супостатом – врагом и злодеем и всякой властью и начальными людьми, в домех и приказех, и на путях и проводах, пред цари и царицами, патриархами и митрополитами, и архиепископами, и епископами, пред архимандриты и игумены, и попы и дьяконы, и пред всяким священным чином, и пред всякими вельможами, князи и боярами, стольники и воеводами, генералами и полковники, майорами и капитанами, и поручиками и всякими чины служебными, русскими и иноземцами, и пред судии приказными и подьячими... [Вытегорский погост, 967; недатиров. текст].

Символический пейзаж также приобретает реальные черты: восходящее солнце утрачивает связь с воскресшим Христом:

Как у Господа Бога из-за горы из-за высокоя, из-за лесу из-за темного на небо на ясное восходит солнышко красное, да возрадуются вси *цари и царицы*, князи и княгини, бояра и боярыни, попы и дьяконы, судии, подьячие, стрелцы и солдаты, все миряна и крестьяна православные, купцы заморские... [Рыбников, 1867, 253–254, № 11; недатиров. текст].

Царь Сатана. Мир зла в заговорах XVIII в. тоже имеет свою «властную вертикаль», и в этом смысле он симметричен и миру небесному, и устройству Российского государства. В «черных» заговорах *царем* обычно именовался Сатана. Называя его таким образом, колдун льстил его самолюбию, подтверждал свою покорность и готовность ему служить, а также ставил его на одну ступень с Царем Небесным и царем земным. Например, в «черной книге», конфискованной в 1728 г., многократно повторяется отречение от Христа, Богородицы и Церкви, а верность Сатане подтверждается словами: *...верую в тебя, творца и царя Сатону, и во все дела, и заповеди твои, и хочу быти сообщником твоим и собеседником* [Смилянская, 2002, 123; 1728 г.].

Сатана может иметь семью и именоваться *отцом* (как Царь Небесный и земной царь) и даже *юношей* и *бесом*, например:

И еще я выду и выступлю далече в чистое поле, ис чистого поля поиду к поганому морю, седит *наш царь сам сатана* со своим зятем Ерзоулом. О еси ты *царь юноша бес сатана* со своим зятем! Как ты мне дашь и пошлеше своих послуживцев только разжещи и распалити и мне послужити сию рабу имярек тритцать три и един Ерзоул, Ерохъмид, Марвс бес, Крив, Ток да Маток, Котыга да Матыга, Смушало, Зажигало, Разжигало, Потыкало, Тял да Матял, Такуса да Маруса, Лук, Мирулей, Мираха, Прочаха, и еще Проданя, Тихия, Сахия и Елизуда и Дагруд и Щирих и все ваше обладательство. Призываю я вас к себе и посылаю я вас к сей рабе имярек, подите вы и послужите и *своего цари отца Сатыну* спослушайте... [Покровский, 1987, 261–263; 1734 г.].

Особенность дьявольской иерархии определяется тем, что царь Сатана может быть окружен множеством адских «князей». Встречаются длинные перечисления его слуг, в перечень которых спорадически попадает и царь Ирод:

Призываю вас, *царей* черных великих, *царь* великий Велигер, *князь* великий Итас, кривой, наболшой, ты же нарицаешся Ирод *царь*, *князь* великий диавол Аспид, *князь* великий диавол Василиск, *князь* диавол Енарей, *князь* диавол Семен, *князь* диавол Индик, *князь* диавол Халей [Смилянская, 2002, 125; 1728 г.].

Отождествление Сатаны с царем Иродом характерно для заговоров, например: *На западной стороне живет сам сатана, злой мучитель Ирод царь. Ай же ты, сам сатана, злой Ирод царь...* [Виноградов, 1908, 31–32, № 41; сер. XIX в.]. В услужении у царя Ирода находятся многочисленные бесы:

В чистом поле стоит три и два и един: бес Сава, бес Колдун, бес Асаул, и я сойдусь поближе, отрок (имярек), и поклонюсь пониже: а..... вы тридеветь бесов, три, два и один, бес Сава, бес Колдун, бес Асаул, и как *вы служили Ироду царю*, и так послужите мне, отроку (имярек)... [Ефименко, 1878, 142–143, № 15; из стар. ркп.].

Царь лесной. Свои «цари» есть также в мире народной демонологии. Этот вопрос специально исследовала О. А. Черепанова. Она полагает, что персонажи, именуемые царями, занимают «положение, промежуточное между богами, правителями и духами-хозяевами... К богам они приближаются по своей мифологической функции: к ним обращаются за прощением, благословением, помощью... Двойственность функции (ее положительный и отрицательный по отношению к человеку характер) сближает “царей” с персонажами демонологии, духами – хозяевами лесов, вод и т. п. В ряде случаев величание царем есть форма называния

духов-хозяев, особая форма обращения к ним... В других материалах царь – это персонаж высшего ранга в иерархии духов-хозяев. В такой роли прежде всего известны водяной царь и лесной царь» [Черепанова, 1983, 20].

Лесные цари Олонецкого сборника (см. выше) могут быть соотнесены с поверьями о лесном царе, зафиксированными на той же территории в XIX–XX вв. Н. Н. Харузин, который побывал в Пудожском уезде Олонецкой губернии в 1880-х гг., описал местные поверья о лесном и водяном царях; по его наблюдениям, водяной «стоит в тех же отношениях к царю водяному, как простой лесовик к лесному царю. Он так же подведомствен ему. Но понятие о лесном царе гораздо определеннее, чем представление о царе водяном» [Харузин, 1894, 312]. К лесовику или лесному царю обращались при пропаже скота или болезни, приключившейся в лесу; при этом шли в лес или на перекресток, произносили заговор и оставляли яйцо [Там же, 308, 316]. По сообщению современного исследователя Заонежья К. К. Логинова, если пропадал скот, то считалось, что его взял «не местный леший, а глава их – “царь лесной”. Его следовало заклинать именами “царей земного, водяного и небесного”» [Логинов, 1993, 33].

Если хотели узнать, отчего заболел человек, то шли в лес и писали челобитную царю Мусайлу:

Бью челом тебе, *царь Государь*, на сего праведнаго леса¹³, что он спортил, а не ведаю за что, а будет ты не справишь, *царь Мусайла*, сего раба (имрек), и я иду к Мос[кве], стану бить челом на тебя *царю Государю*, и подойдет с Москвы стрелцов два приказу, с Новагорода приказ, с Азова Донских казаков два приказу, и как не избавишь человека сего (имрек) почтеннаго, и вас высекут в пень [Рыбников, 1867, 250; стар. ркп.]¹⁴.

Цари в мире природных стихий. Среди природных стихий с «царским» началом связывается гроза (и, соответственно, туча, гром, молния). Например, в северно-русской «Молитве от нечистого духа», опубликованной П. С. Ефименко, Царь Небесный производит грозу с помощью Святого Духа: *...спустил истинный Господь, Саваоф Бог, Спас Иисус Христос, Сын Божий, Царь Небесный, свое Божие великое милосердие, от престола Господня святыи Дух, царя грома и царицу молонию: царь гром грянул, царица молония огненное пламя спустила, молния осветила, раскалились и разбежались всякие нечистые духи* [Ефименко, 1878, 159–160, № 22; стар. ркп.]; *Поднимаетца царь грозная туча, и под грозною тучею мечетца царь гром, царица молния* [Там же, 159, № 22].

В заговорах встречается также иногда *огненный царь* [см.: Смилянская, 2002, 110; 1723 г.]. Некоторые контексты позволяют предполагать, что так именуется солнце, например: *На русской и на немецкой земли есть **огнянной царь**, высушил реки и озера и мелкия источницы...* [Ефименко, 1878, 140, № 3; стар. ркп.].

В рукописи из Пермской губернии фигурируют «цари ветрам»:

¹³ Под «праведным лесом» здесь подразумевается леший, хозяин леса.

¹⁴ О подобных обращениях к лешему см. также: [Белова, 2004].

На море на окияне, на острове на буяне, стоят три дуба зеленых, под темя тремя дубам зеленым *цари ветрам, цари вихорям, цари царевичам, короли королевичам*, а я, раб Божий, подойду поклонюся, вашей верой приложуся... [Шилков, 1883, 149–151; недатир. ркп.].

Для пастушеских заговоров характерен образ царя Огня. К нему обращаются с просьбой отогнать от скота всякого зверя и нечистую силу: *И что несть на земли Огонь царь, Агонь царь – всем царем царь, от меня, раба Божия (имярек), от моего милаго живота, от крестьянского скота, зжет и палит всякого зверя...* [Виноградов, 1907, 54, № 70; стар. ркп.; то же: Ефименко, 1878, 171, № 5; пастуш. отпуск; стар. ркп.; Рыбников, 1867, 263; стар. ркп.]; *И есть зеленой огонь в море, всем огням царь, жжет и палит отпадишую нечистую силу дьяволов, еретиков и колдунов и всех людей; так бы их от моего стада скота жгло и палило* [Майков, 1992, 113, № 285; XIX в.; пастуш. отпуск].

Царь муравей. В пастушеских заговорах встречаются *царь Мураш, царь муравей* или *муравьиный царь*:

Господь Бог Саваоф, исполнь небо, и землю, и *царя мураша*. Иоанн Креститель, Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, как вы крестили истиннаго Христа, и святую воду, и *царя мураша*, батюшко Господь Бог Саваоф, Иоанн Креститель, Иоанн Богослов, Иоанн Златоуст, благословите мурашева гнезда взять, и его плоду, и *детей его*. И *батюшко царь мураш*, благослови своего гнезда взять, и *своих детей*, и своего плоду, и того древа, у коего ты гнездо и дом свой имееш. И как ты, *царь мураш*, то дерево и гнездо свое не теряеш, вокруг своего гнезда бьешся и убиваешся, вьешся и увиваешся, так бы у меня, раба Божия имрака, скотинушка, как то лошадушки, короушки, овечушки и свиночки, двоешорстна, и троешорстна, и об одной шорске вокруг своего гнезда и своего дому билась и убивалася, вилася и увивалася. И как ты, *царь мураш*, сколько гнездлив и плодлив, так бы у меня, раба Божия имрака, скотинушка гнездлива и плодлива была, как то лошадушки, короушки, овечушки и свиночки, одношорстна, двоешорстна и троешорстна [РНБ. О. XVII. 33, л. 2–3 об.; ркп. XVIII–XIX вв.].

...собираются *муравьевы дети* со все четыре стороны к всякой ночи к *Царю* своему *Муравью*, служат ему и слушают его всегда... [Харузин, 1894, 312; ркп. 1780-х гг. из Водлозера; то же: Рыбников, 1867, 267; стар. ркп.; Ефименко, 1878, 169, № 4; пастуш. отпуск; недатиров. ркп.].

...к *царю муравному* муравьи в муравьище схожаются и збегаются... [Ефименко, 1878, 172, № 7; пастуш. отпуск; стар. ркп.; то же: Там же, 173, № 7; пастуш. отпуск; стар. ркп.].

Некоторые выводы. Перечислим основные группы «царей», которые встретились нам в русских заговорах XVII–XIX вв.:

1. *Царь* – ‘государь, монарх, верховный правитель России’ [ср.: Даль, 4, 570]. В одном из текстов Олонецкого сборника 2-й четверти XVII в. царь Михаил Федорович предстает как источник силы и красоты, которые пытается присвоить себе протагонист заговора. В заговорах социальной направленности имярек пытается воздействовать на представителей государства и церкви во главе с царем. В этих текстах *цари* неизменно занимают первое место в перечислениях светских и церковных властей; царь не индивидуализирован; не назван по имени; к тому же существительное *цари* часто выступает во множественном числе, хотя речь идет о российской власти, во главе которой стоял самодержец или самодержица.

2. *Царь Небесный*, как правило, отождествлялся с Христом, реже – с Богом Отцом; впрочем, в народной традиции их часто смешивали друг с другом. При именовании Царя Небесного в неканонических молитвах использовались библей-

ские и литургические формулировки, такие как *царь царей*, *господь господствующих*, *царь славы*¹⁵.

3. *Царь Сатана* и *царь Ирод*, которые могли отождествляться друг с другом.

4. Библейские цари и цари древнего мира: Давид, Соломон, Ахав, Константин¹⁶, Александр Македонский¹⁷, Троян¹⁸.

5. Цари в мире природных стихий и явлений: *царь-гром*, *царь-туча*, *царица-молния*, *Огонь царь*, *цари ветрам*. Ассоциации грозы с «царским» началом встречаются в заговорах довольно редко и, вероятно, имеют книжное происхождение; впрочем, антропоморфное восприятие грозы относится к общечеловеческим универсалиям и было известно еще в славянском язычестве.

6. *Царь* – ‘славнейший, отличнейший между своими’ [Даль, 4, 571]: *царь Мураш* (*царь муравей*, *муравьиный царь*).

7. *Царь* – мифический «хозяин» определенных локусов окружающего мира и старший над другими подобными «хозяевами»: *царь лесной*, *царь водяной*. Сюда же, вероятно, относятся лесные хозяева, названные своеобразными «псевдоименами»: *царь Гонгой* и *царица Гогея*, *царь Парфей*, *царь Шустий*, *царь Мусайла*.

8. Мифический *царь железный* в заговорах от вражеского оружия – «родитель» всякого железного оружия и защитник от него.

В магическом универсуме знание имени дает возможность воздействовать на носителя этого имени. Именование *царем* привносит в магический текст специфические оттенки: то или иное существо или явление природы понимается как одушевленное, наделенное разумом и властью. Величание *царем* огня, муравья, лешего и др. призвано не только наладить с ними общение, задобрить их, продемонстрировать свою лояльность, но и навязывает им определенную программу поведения, подразумевающую патронажные отношения с исполнителем заговора, отеческую заботу о нем, проявление милости. «Царь» может также именоваться *отцом* и иметь своих *детей*. Соответственно он должен печься о своих подданных, как о родных детях, беречь их, защищать от злых сил и т. д.

Совокупность *царей* в заговорах организована на основе ряда оппозиций: «небесное – земное», «божественное – социальное», «божественное – дьявольское». Значимо также противопоставление по числу; например, *Царь Небесный* всегда фигурирует в единственном числе, но *земной царь* может выступать и в единственном числе, и во множественном. Царь того или иного класса существ или

¹⁵ Например, в «Молитве Киприана»: «...Господи, сый прославлен, *Царь царствующим* и *Господь господствующим...*» [Ефименко, 1878, 163, № 23; стар. ркп.]. Ср. в Откровении Иоанна: «...Он есть *Господь господствующих* и *Царь царей...*» (17, 14); «На одежде и на бедре Его написано имя: *Царь царей* и *Господь господствующих*» (19, 16).

¹⁶ Например: *Царю Давид*, *царю Ко[н]ст[ант]ин*, *царю Соломон!* [Рыбников, 1867, 269; стар. ркп.].

¹⁷ Например: *К царю Давыду пойду в смелость и кротость, к Александру Македонскому пойду по хитрость, а к царю Соломону по премудрость у начальников, и чиновников, и судей праведных* [РНБ. О. XVII. 46, л. 12 об.–13; ркп. 1-й пол. XIX в.].

¹⁸ Например, в Великоустюжском сборнике: *Здыни же, Боже, ветри за святое море Окиян ко царю ко Трояну по тридевать ключев морских* [Турилов, Чернецов, 2002, 220, см. также 222].

объектов, как правило, противопоставлен им по числу: например, Небесный Царь – небесные силы, земной царь – его подданные, Сатана – бесы, царь Мураш – муравьи, железный царь – его «дети» (разные виды оружия) и т. д.

В основе осмысления власти в заговорах социальной направленности лежит средневековый иерархический принцип в сочетании с представлениями о царе как высшей ценности и его соотносительности с Царем Небесным. Этот принцип, заимствованный из религиозных верований и социальной жизни, давал определенную схему, которая проецировалась посредством заговоров в самые разные сферы народной картины мира. Свои «цари» обнаруживаются и в мире природных стихий и явлений, и среди насекомых, и среди сверхъестественных покровителей природных локусов (леса, воды, земли), и в сообществе дьявольских сил.

Конкретный материал может заимствоваться из библейских образов (гроза как манифестация божества), социальной реальности (сакрализация монарха в России XVII–XVIII вв.), народных верований (лесной царь как главный из леших) и других источников. Различные «цари» соединяют в себе реальные и ирреальные свойства в разном соотношении: от Царя Небесного, зримо представленного в церковном искусстве, до лишнего определенности железного царя, от вполне реального царя Михаила Федоровича до фольклорного лесного царя, от царского величия грозы до весьма эфемерных царя огня или царя ветров.

Разные «цари» в народном восприятии смешивались друг с другом. В результате Царь Небесный мог сближаться с царем земным, а царь Сатана – с царем Иродом. Составителям заговорных «писем» казалось естественным угрожать одному царю тем, что пожалуешься на него другому царю (например, царю московскому на царя лесного).

В некоторых заговорах встречаются такие перечисления, в которых объединяются великие цари древности (Александр Македонский), названия бесов (царь Маммон) и фольклорных персонажей (царь морской): «...помолюся... *тому святому царю Мошенскому, и тому святому царю Македонскому, и тому Авдею, и тому царю Абрутему, и тому заморскому, и тому царю морскому, и тому царю Маммону*» [Вытегорский погост, 1884: 894; недатир. ркп.; пастуш. отпуск].

В разных сегментах заговорно-магического континуума слово *царь* выступает в разных контекстах, соотносясь с разными подсистемами картины мира и приобретая разные оттенки значения. Аналогичным образом *небесный царь* может пониматься или как Христос и Бог-Отец, или как сказочный царь, живущий на небе и владеющий мечом-самосеком, или как фольклорный «хозяин» неба, стоящий в одном ряду с «земным» и «водяным» царями. Например, если у коровы пропадал удой, женщина шла к роднику и просила: «*Царь водяной, царь земляной и небесный царь – всем царям царь*, благословите взять водушки не ради хитрости, не ради мудрости, а ради Божьей рудонюшки (или какой другой), чтобы по-старому доила, чтобы молоко по старым струйкам бежало» [Кофырин, 1900, 2, № 126].

Материал показывает, что составители заговоров активно пользовались топикой и фразеологией христианской письменности и литургики, однако были при этом далеки от христианского смирения и почитания властей. За редкими исключения-

ми трудно найти в заговорах какие-нибудь следы сакрализации монарха. Скорее можно говорить о недостаточной расчлененности представлений религиозного и социального характера.

Представления о царе и власти, отразившиеся в заговорах, во многом определяются прагматикой этого жанра словесности как магического, эзотерического, преследуемого церковью и государством и ориентированного на получение прагматического результата, в том числе воздействия на власть предержажших.

В символическом мире заговора протагонист не стремится отменить иерархию, но желает заручиться помощью того, кто стоит у нее во главе, и тем самым получить силу и власть для решения своих проблем. Для субъекта магических действий естественным является также желание присвоить себе царскую власть (хотя бы на время и в воображении) и самому занять место во главе социальной и религиозной иерархии (так называемое *бытовое самозванчество*).

-
- БАН – Отдел рукописей Библиотеки Российской Академии наук (Санкт-Петербург)
- Белова О. В. Как в деревне Арзубиха «кабалу писали» // Язык культуры: Семантика и грамматика. М., 2004. С. 183–189.
- Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. (По старинным рукописям и современным записям). СПб., 1908. Вып. 1.
- Вытегорский погост // Олонецкие губернские ведомости. 1884. № 90. С. 894–895.
- Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 2002.
- Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской области. М., 1878. Ч. 2 (Тр. Этногр. отд. Имп. О-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те; Т. 30; кн. 5; вып. 2).
- Ефименко П. С. Околдование начальства // Киевская старина. 1886. Т. 15. № 5. С. 175–178.
- Живов В. М. История русского права как лингво-семиотическая проблема // *Semiotics and the History of Culture*. Ohio, 1988. P. 46–128.
- Живов В. М., Успенский Б. А. Царь и Бог: Семиотические аспекты сакрализации монарха в России // Успенский Б. А. Избр. тр. М., 1994. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 110–218.
- Ипполитова А. Б. Поверья о «царских» растениях в устной и рукописной традиции // Русская филология 15: Сб. науч. работ молодых филологов. Тарту, 2004. С. 38–44.
- Кофьрин Н. Суеверия крестьян села Песчаного, Пудожского уезда // Олонецкие губернские ведомости. 1900. № 126. С. 2.
- Лавров А. С. Колдовство и религия в России: 1700–1740 гг. М., 2000.
- Леон-Дюфур – Словарь библейского богословия / Под ред. К. Леон-Дюфура и др. Пер. с 2-го франц. изд. Брюссель, 1990.
- Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993.
- Лукин П. В. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М., 2000.
- Майков – Великорусские заклинания: Сб. Л. Н. Майкова. СПб.; Париж, 1992.

- Михайлова Т. В.* «Волшебные книжки» и «суеверные писма»: заговоры в составе колдовских дел // Труды факультета этнологии. СПб., 2004. Вып. 2. С. 174–200.
- Пигин – Заговоры и молитвы из коллекции Корниловых / Подг. текста и коммент. А. В. Пигина // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 241–249.
- Покровский Н. Н.* Материалы по истории магических верований сибиряков XVII–XVIII вв. // Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII – начала XX в. Новосибирск, 1975. С. 110–130.
- Покровский Н. Н.* Тетрадь заговоров 1734 года // Научный атеизм, религия и современность. Новосибирск, 1987. С. 239–266.
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва).
- РНБ – Отдел рукописей и редких книг Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург).
- Рыбников – Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. СПб., 1867. Ч. 4.
- Смилянская – Заговоры и гадания из судебно-следственных материалов XVIII в. (Публикация Е. Б. Смилянской) // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 99–172.
- Смилянская Е. Б.* Волшебники. Богохульники. Еретики. Народная религиозность и «духовные преступления» в России XVIII в. М., 2003.
- Срезневский В. И.* Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Турилов, Чернецов – Великоустюжский сборник XVII в. (Предисловие и публикация А. А. Турилова, А. В. Чернецова // Отреченное чтение в России XVII–XVIII веков. М., 2002. С. 177–224.
- Успенский Б. А.* Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.
- Харузин Н. Н.* Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда, Олонецкой губернии // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894. Вып. 3. С. 302–346.
- Черепанова О. А.* Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
- Шилков П. А.* О суеврии населения Екатеринбургского уезда Пермской губернии // Пермские губернские ведомости. 1883. № 23.
- Юдин А. В.* Ономастикон русских заговоров: Имена собственные в русском магическом фольклоре. М., 1997.
- Kivelson V. A.* Political Sorcery in Sixteenth-Century Muscovy // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / Под ред. А. М. Клеймола, Г. Д. Ленхофф. М., 1997. С. 267–283.

* * *

Андрей Львович Топорков – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы РАН (Москва).